

Наташа Шепелева

**ПРО ШКОЛЬНИКА ВАСЮ,
КОТОРЫЙ НЕ ИСКАЛ ПРИКЛЮЧЕНИЙ,
НО ОНИ НАШЛИ ЕГО САМИ**

Санкт-Петербург
2024

УДК 82-31
ББК84(2Рос=Рус)6
Ш21

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза
российских писателей*

Наташа Шепелева

**Про школьника Васю, который не искал приключений, но
они нашли его сами — СПб.: ООО «Мир Детства», 2024. —
130 с.**

*Стоит ли облизывать качели на морозе, что
случается с забытыми на продленке детьми,
какие истории рассказывают только ночью под
одеялом и от чего сходят с ума школьные учителя
литературы? Веселые и поучительные рассказы
сборника повествуют про мальчика Васю,
который попадает в разные забавные истории,
мечтает, учится и понемногу взрослеет. Даже
самый обычный день ребенка становится
приключением, когда у тебя есть друзья, а мир
вокруг дарит столько открытий.*

ISBN 978-5-4265-0151-5

© Наташа Шепелева, текст, 2024
© Юрий Зверлин, иллюстрации, 2024
© ООО «Мир Детства», 2024

**ПРО ШКОЛЬНИКА ВАСЮ,
КОТОРЫЙ НЕ ИСКАЛ ПРИКЛЮЧЕНИЙ,
НО ОНИ НАШЛИ ЕГО САМИ**





ПОТЕРЯННАЯ ВАРЕЖКА

Я как обычно одеваюсь?

Сверху вниз. С головы то есть.

Сначала шапку надеваю, потом футболку и свитер, куртку, штаны, носки, ну и ботинки.

А всякую ерунду, да мелочь, вроде варежек — это уже в самом конце напяливаю. Я бы их, конечно, сразу после куртки и перед штанами с удовольствием надел, но так ботинки зашнуровывать неудобно. Моя сестра Оливка говорит, что это очень странный способ. Все-то она знает, эта Оливка, всех учит, хотя самая маленькая. А мне так удобно, привык я так одеваться.

Меня бабушка даже переучить пыталась, но ничего из этого не вышло, она это дело бросила и сказала:

— Бог с тобой, одевайся, как знаешь, главное шапку на улице не снимай.

— У бабушек шапка — это вообще особый пунктик, ну вы, наверное, и сами замечали. А я что? Я шапку не снимаю, зачем бабушку расстраивать. Главное

Вася



не мешайте мне самовыражаться и одеваться, как мне нравится.

В тот год такая снежная зима была, все прямо как в сказке: белое-пребелое и блестящее-преблестящее. Снежинки на солнце искрятся, переливаются и похожи на мелкие стеклышки. Я люблю снег. Особенно мне нравится ловить снежинки языком. На вкус они колкие, как лимонад с пузырьками. Я когда домой пришел однажды, так и сказал:

— Я сыт!

Мама говорит:

— Суп ешь.

А я:

— Спасибо, мама, большое, но я пообедал и суп мне ни к чему.

— И чем ты, интересно, пообедал? — поинтересовалась мама.

— Снегом, — говорю, — очень питательная и некалорийная пища. — После этих слов суп мне, конечно, пришлось все-таки съесть. Но это не главное, главное, что гулять в такую погоду — одно удовольствие. Выходишь из дома, и везде красота, хочешь в один сугроб прыгай, хочешь — в другой, а хочешь — на качелях качайся. Главное только железную качель, как снежинки, на язык не пробовать. А то у нас так один лизнул и





прилип. Стоял потом, ждал, когда его отклеят. В общем, лучше даже не пробуйте качели облизывать. Так себе удовольствие.

Как раз в такой хороший погожий денек я отправился гулять, ко мне во двор еще мой друг Валерка должен был прийти. Мы с ним учимся в одном классе. Спускаюсь я, значит, по лестнице и вдруг вижу на батарее — варежка. Да такая симпатичная. Явно чья-то любимая.

Стою я на нее гляжу и думаю: «Надо же помочь ее найти, а то она тут до весны пролежать может, а весной, и особенно летом — варежки совершенно бессмысленный предмет». Засунул я ее в карман и побежал на улицу. Валерка как раз возле качелей уже меня дожидался и с джек расселом наших соседей пытался познакомиться. Джек рассел — это не имя, а порода собак такая. На самом деле его зовут Кубик. Почему именно Кубик, а например не Ромбик, никто объяснить не может.

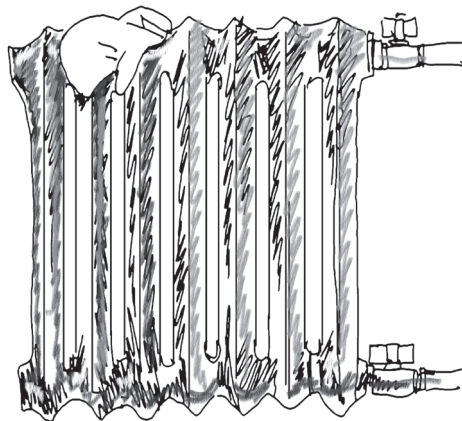
Я подошел к Валерке, засунул руку в карман, протянул ему варежку и сказал:

— Смотри что.

Он:

— А что я, собственно, должен увидеть? Варежка как варежка, самая обыкновенная.

— Это не просто варежка! Это варежка-потеряшка, я ее на батарее на лестнице нашел. Надо бы хозяина разыскать.





— А как ты его собираешься искать? Непонятно даже, девчонке или мальчишке она принадлежала.

— Ты что, по варежке пол можешь определять? Это как?

— Да проще некуда. У девчонок там всякие бусинки, блестячки, аппликации вечно понаприклеены. А у парней — максимум снежинки вышиты, и то редко.

Я внимательно поглядел на варежку. Она была вязаная, но не колючая, мягкая, приятная такая варежечка, темно-красного цвета. Посередине шла синяя полоска, а на запястье резиночка — чтобы с руки не сваливалась. Я засунул правую руку в варежку — вроде как раз. Хорошая варежка, теплая.

— На правую руку.

— Что? — переспросил Валерка.

— Варежка, говорю, на правую руку.

— Ну и что.

— А то, что человеку без правой варежки совсем плохо. Если бы он (или она) потерял варежку с левой руки, то он голую руку мог бы просто в карман спрятать, а снежки лепить или там санки тащить правой рукой как ни в чем ни бывало.

— Ага. Это если тот, кто потерял варежку, — правша. А если он левша? То все наоборот получается, это ему без левой варежки туго придется, а без правой — так, ерунда, может, и пропажи-то не заметит.

— Верно. Об этом я не подумал. А как понять, правша человек или левша?



— Ну по идее — Валерка с умным видом потер подбородок — у правши правая варежка должна выглядеть хуже. Он ведь правой рукой за все хватается. Катышки должны появиться, ну или дырка на худой конец. А у левши — все наоборот.

— Дело говоришь.

— Ну ка погляди, есть там катышки?

— Есть немного. Только это нам ничего не дает. Потому что у нас всего одна варежка и мы со второй сравнить не можем, чтобы понять, какая больше использовалась.

— Как же мы хозяина будем искать. Ты ее на лестнице нашел?

— На лестнице.

— Значит, нужно обойти все квартиры и всем жильцам предложить варежку померить, как в «Золушке», кому она будет впору, тот и хозяин.

— Так она и мне впору. Это же варежка, а не туфелька.

— Слушай, Вася, а ты точно варежек не терял?

— Точно, я бы запомнил. Я в этом году сменку потерял и сестренку один раз в магазине забыл. Варежек не терял. Значит, бежим по соседям!

— Сколько квартир у тебя в подъезде?

— Я не знаю, я выше четвертого этажа никогда не поднимался.



— А этажей сколько.

— Девять.

— А на площадке сколько квартир?

— Слушай, ты прямо как Людмила Ивановна на уроке математики. У мальчика было 6 яблок, 4 из них красных, остальные — зеленые.

— Ну ты же хочешь узнать, чья варежка. Ладно, давай сделаем проще. Сказав это, Валерка быстрым шагом пошел к моему подъезду и ткнул пальцем в металлическую табличку возле двери. Гляди, тут все квартиры указаны, с первого по девятый этаж. С 72 по 108 квартиру, это получается 36 квартир в подъезде!

— 35, мою же квартиру не надо считать.

— Как думаешь, до обеда успеем всех обойти?

— Успеем, только если к Павлу Ивановичу из 75 квартиры заходить не будем. Я его собаку как-то раз случайно от скамейки отвязал. Она сидела на поводке, хозяина дожидалась, пока тот мусор выносил.





— Ну и что?

— Ну и то, что она убежала и ее потом до глубокой ночи по всей округе искали. Собаку-то поймали, а вот общего языка с Павлом Ивановичем мы не нашли. Меня тогда до-о-олго папа отчитывал, а сразу за ним Павел Иванович объяснял, к каким ужасным последствиям мог привести мой безответственный поступок. Вдруг он не все сказал, что хотел? Ты к нему без меня лучше зайди.

Так мы начали поиски хозяина варежки. В первой квартире нам никто не открыл, хотя мы долго и старательно звонили. Должно быть, хозяев не было дома. Во второй сказали через дверь, что варежек не теряли. В третьей хозяин открыл нам в пижаме и спросил, который час. А потом на всякий случай уточнил и день недели. Когда все выяснил, сказал, что ничего не терял и ему нужно еще немного поспать, вежливо попрощался и закрыл дверь. В четвертой квартире жила наша соседка тетя Маргарита, которую я хорошо знал, потому что она общалась с моей бабушкой. Она предложила нам зайти в гости и выпить чаю. Мы хотели было отказаться, потому что у нас очень важное дело и нельзя терять ни минуты, но тетя Маргарита настаивала, к тому же к чаю у нее была моя любимая халва из семечек. В гостях мы провели целый час. В пятой квартире отмечали чей-то день рождения и варежек тоже не теряли...

Близилось время обеда, а мы до сих пор не нашли хозяина варежки.



— Что-то я устал немного — сказал Валерка.

— Я тоже. Ну давай в еще одну квартиру позвоним — спросим, а завтра продолжим.

Мы позвонили в дверь, и нам открыла пожилая женщина с вязаной шалью на плечах, у нее в ногах ласкался пушистый рыжий кот.

— Здравствуйте! Извините, пожалуйста, вы варежку не теряли?

— Нет, не теряла.

— Как жаль.

— Почему жаль? — удивилась женщина.

— Ой, простите, конечно, это хорошо, что вы ничего не теряли, но мы просто никак не можем найти хозяина варежки.

— Ребята, так вы объявление напишите.

— Объявление?

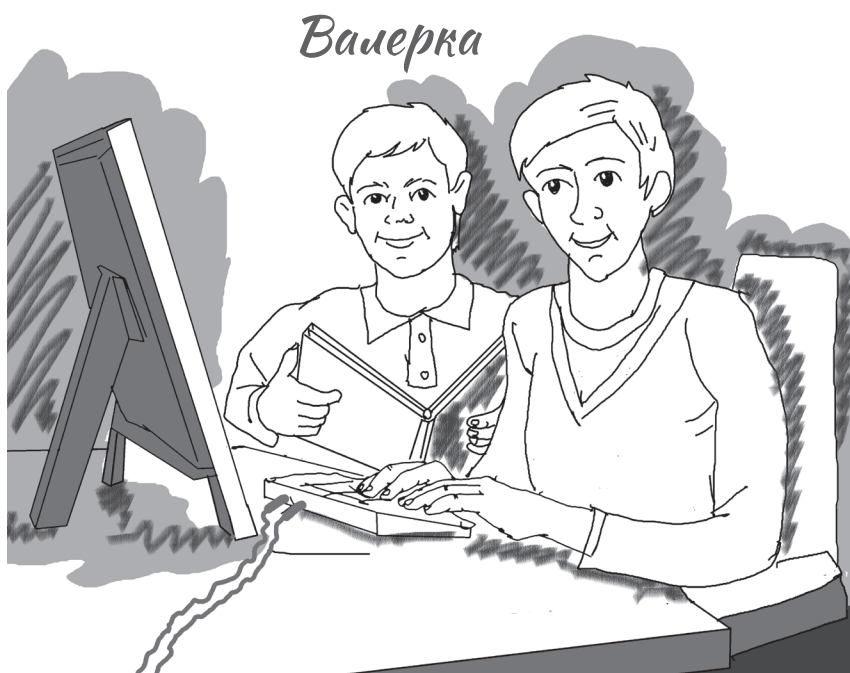
— Ну, конечно, найдена такая-то варежка, хозяину просьба позвонить по такому-то номеру телефона.

— Точно! Как мы сразу не догадались? Спасибо вам большое! — мы бегом побежали ко мне домой, чтобы побыстрее напечатать объявление.





Спустя два дня позвонил наш сосед и сказал, что его племянница Маша, которая живет в другом городе, недавно приезжала в гости и действительно потеряла варежку. Мы взяли ее адрес и уговорили папу сходить с нами на почту отправить рукавичку хозяйке. Через неделю Маша прислала фотографию, где она стоит в двух варежках, красных с синей полоской. Оказалось, что она — наша ровесница, тоже любит кататься на коньках и играть в снежки. Мы подписались друг на друга и договорились, когда она приедет в следующий раз, погулять вместе. Так Маша нашла свою варежку и двух новых друзей.







ЖУТКИЕ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ НОЧЬЮ ПОД ОДЕЯЛОМ

Как-то раз во всем нашем районе отключили свет. Мы заканчивали ужинать, когда вдруг свет погас у нас дома и окошки в окрестных домах, которые до этого светились желтым, тоже одновременно померкли.

Была зима, на улице темнело рано, и мы оказались в полной темноте.

— Что это!?! — спросила Оливка.

— Ничего страшного, — успокоил ее папа. — Электромонтеры сейчас приедут и всё починят.

— Они приедут на машине с мигалками?

— Скорее всего.

— А у них есть синие комбинезоны?

— Есть.

— А каски?

— И каски.

— А маленький фонарик на лбу, такой на резиночках? Вот бы мне такой...

Оливка



— Фонарик тоже имеется. А вы пока идите к себе в комнату.

— Можно со стола не убирать?

— Можно, а то вы в такой темноте все перебьете случайно, — сказала мама.

— Ура! — обрадовались мы с Оливкой.

— Вы лучше спать ложитесь.

— Ну сейчас же только восемь вечера!

— Ничего страшного. Проснетесь, значит, пораньше. В старину всегда рано ложились.

— В старину это когда вы с папой были маленькими?

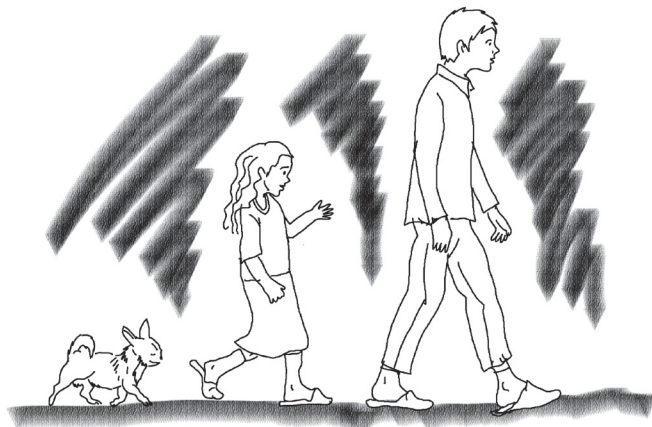
— Нет, еще раньше.

— Когда бабушка была девочкой и ходила в школу?

— Нет, совсем давно.

— Да это же какое-то доисторическое время! И неправда, наверное!

— Лучше уж со стола убирать, — пробухтел я и отправился в спальню, громко шаркая тапочками.





Я так обычно делаю, когда мне что-то не нравится. За мной пошла Оливка, тоже сильно шаркая за компанию. Потому что это самая большая на свете повторюха — это все уже знают.

Я так старательно шаркал, так показушно грустил из-за раннего отбоя, что в темноте стукнулся головой о дверной косяк.

— Ой! — от неожиданности вскрикнул я.

— Ай! — Оливка из-за резкой остановки врезалась мне в спину.

— Гав! — тявкнул наш пес Клепик, который семенил за Оливией. Он очень маленький и не знает ни одной команды, но мы все равно его любим, потому что это член семьи.

Я нехотя разделся, залез в кровать и стал думать, чем бы заняться. В такой крошечной темноте вариантов немного, телефон надоел, хоть в самом деле спать ложись...

Тут подала голос Оливка.

— Вась, расскажи мне историю, пожалуйста.

— Я только страшные знаю, вдруг ты испугаешься.

— А мне нравится бояться. Только когда не слишком сильно, а так, немножко. Знаешь, когда мурашки бегают вверх-вниз, вверх-вниз и быстро-быстро.

— Ну, тогда слушай.

Я включил в телефоне фонарик и осветил на себя снизу.

На стену упала страшная тень, и вид у меня стал зловещий.

— Ой! — оценила Оливка.

...Говорят, что раньше у нас в школе вместо теперешней директрисы был другой директор по имени Федор Михайлович. Был он седой, взлохмаченный и совершенно безумный. Ходят слухи, будто в незапамятные времена, лет 5 назад, он преподавал русский язык и литературу. Поэтому каждый год перечитывал все-все-все книги Достоевского и Чехова. И на этом фоне свихнулся. Сначала только наполовину. У него тогда глаз начал дергаться и нервные припадки случались. Например, сидит он на уроке молча. Ни домашку не проверяет, ни к доске не вызывает и ничего не рассказывает.

— Ой! — испуганно ахнула Оливка, а Клепик юркнул к ней под одеяло.

Атмосфера в кабинете от такой тишины гнетущая. Класс тоже молча сидит и даже не шевелится, потому что не понимает, что происходит. Вдруг он

как вскочит с криком «Да что же это делается?!», руками начнет размахивать и из кабинета выбежит. А если из окна выглянуть, то видно, как он из школы в чем был, в одном пиджаке, даже если зима, в парк бежит. Рассказывают, будто он там с белками разговаривал, что-то им объяснял, спорил даже, требовал дневник

Федор Михайлович





Жуткие истории, рассказанные ночью под одеялом

и вызывал родителей в школу. Однажды ему достался настолько непослушный и бестолковый класс, что он свихнулся окончательно. Тогда его в психиатрическую лечебницу ненадолго направили...

— Он поправился? — спросила Оливка.

— Конечно, выздоровел, — кивнул я, — но опять только наполовину. Его даже повысили до директора школы. Это в качестве моральной компенсации, потому что он на работе свое душевное здоровье повредил, а не где-нибудь дома, где его собственные дети не слушались.

— А такое разве бывает?

— Сплошь и рядом!

— Тогда завуч якобы так и сказала: «На этой должности все рано или поздно с ума сходят». Но это еще не самое страшное!

Оливка аж пискнула с перепугу.

— У него в кабинете лежал огромный-преогромный ковер. Но наступать на него было нельзя.

И если тебя к директору вызовут, то надо аккуратно по краешку идти, где паркет и ковра нет.



— А если наступишь? — в ужасе прошептала Оливка и прижала к себе Клепика.

— Что тогда происходило, никто не знает, потому что ни один ученик, наступивший на ковер, оттуда не возвращался.

— А еще? — зажмурилась Оливка.

— Еще?

...Он помнил всех-всех учащихся от 1 до 11 класса по именам и фамилиям, и кто какую книгу в библиотеку не сдал. А если ты эту книжку потерял случайно, то директор являлся к тебе во сне в белой льняной рубахе с поясом и в резиновых сапогах, пальцем грозил и повторял бесконечно:

— Где книжка, где книжка, где книжка...

У нас в актовом зале до сих пор его портрет висит. И если кого-то в школе случайно на продленке забудут и он станет без дела слоняться по пустым темным коридорам, портрет оживает, подходит к этому несчастному со спины и спрашивает:

— Кто такой Родион Раскольников?

— А-а-а!!! — заверещала Оливка, да так сильно и неожиданно, что я сам испугался и телефон из рук выронил.

— У-у-у!! — жалобно завыл Клепик.

— Что у вас случилось? — в комнату заглянул папа со свечкой в руке.





Жуткие истории, рассказанные ночью под одеялом

— У нас все хорошо! — пропищала Оливка откуда-то из-под одеяла.

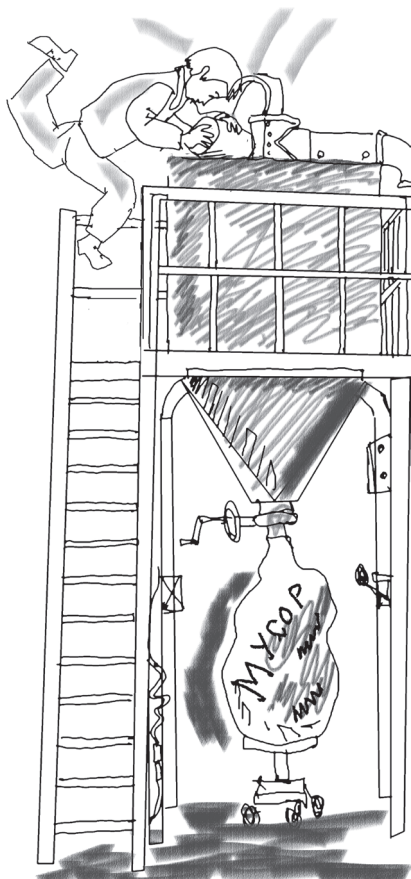
— Давай дальше рассказывай, — сказала она, когда папа закрыл дверь.

— ...А однажды этот Федор Михайлович одного первоклашку заставил съесть пенку от молока. Так и сказал — пока всю не съешь, из-за стола не выйдешь.

— Ну, это уже слишком жестко!

— А еще я слышал, что в кафе «Вкусно и точка», которое в незапамятные времена называлось «Макдональдс», стояла огромная жуть-машина. Служит эта жуть-машина для переработки отходов. В ней установлено много-много острых лезвий, и они за секунду любой мусор превращают в щепки. Высокой эта машина в два человеческих роста, поэтому к ней приставляют стремянку. Когда она работает, то гремит и гудит на всю округу, да так, что стены трясутся. Поэтому включают ее только по ночам. Все думают, что это ветер ночью воет, а на самом деле это ненасытная жуть-машина шумит. Если прислушаться, то услышишь слова «проглочу», «проглочу»...

Подрабатывал в том кафе как-то студент-троечник. Он в тот день не выспался, потому что всю ночь спорил о том, что было первее,



яйцо или курица. Подошел он к жуть-машине, чтобы мусор измельчить, залез на стремянку, потерял равновесие, упал прямиком внутрь, да так и сгинул. Остался от него только студенческий билет с тройками да несданный зачет... Ты там не спишь, слушаешь?

— Слушаю, — пробормотала Оливка, а у самой один нос из-под одеяла торчит.

— А еще мне кое-кто по секрету рассказывал, что в лесу за лагерем, который возле нашей дачи, бродит забытый ребенок, которого в лагерь на одну смену отправили, да так и не забрали. Живет он в шалаше, питается в основном грибами, воду пьет дождевую, читать разучился, чешется ногой, как собака и в носу ковыряет, совершенно никого не стесняясь...

— А дальше? — я-то думал, Оливка давно уснула, — пришлось продолжить. — ...Ходит он босой, в старых изодранных шортах и грязной футболке с надписью The Prodigy. Сколько ему лет, точно никто не знает, но борода у него уже до самых колен доросла... — я тоже зевнул разок-другой, — Стал он совершенно дикий, почти позабыл человеческий язык, но иногда его встречают туристы и дачники. Тогда он к ним молча подходит и рукой манит куда-то в сторону озера...





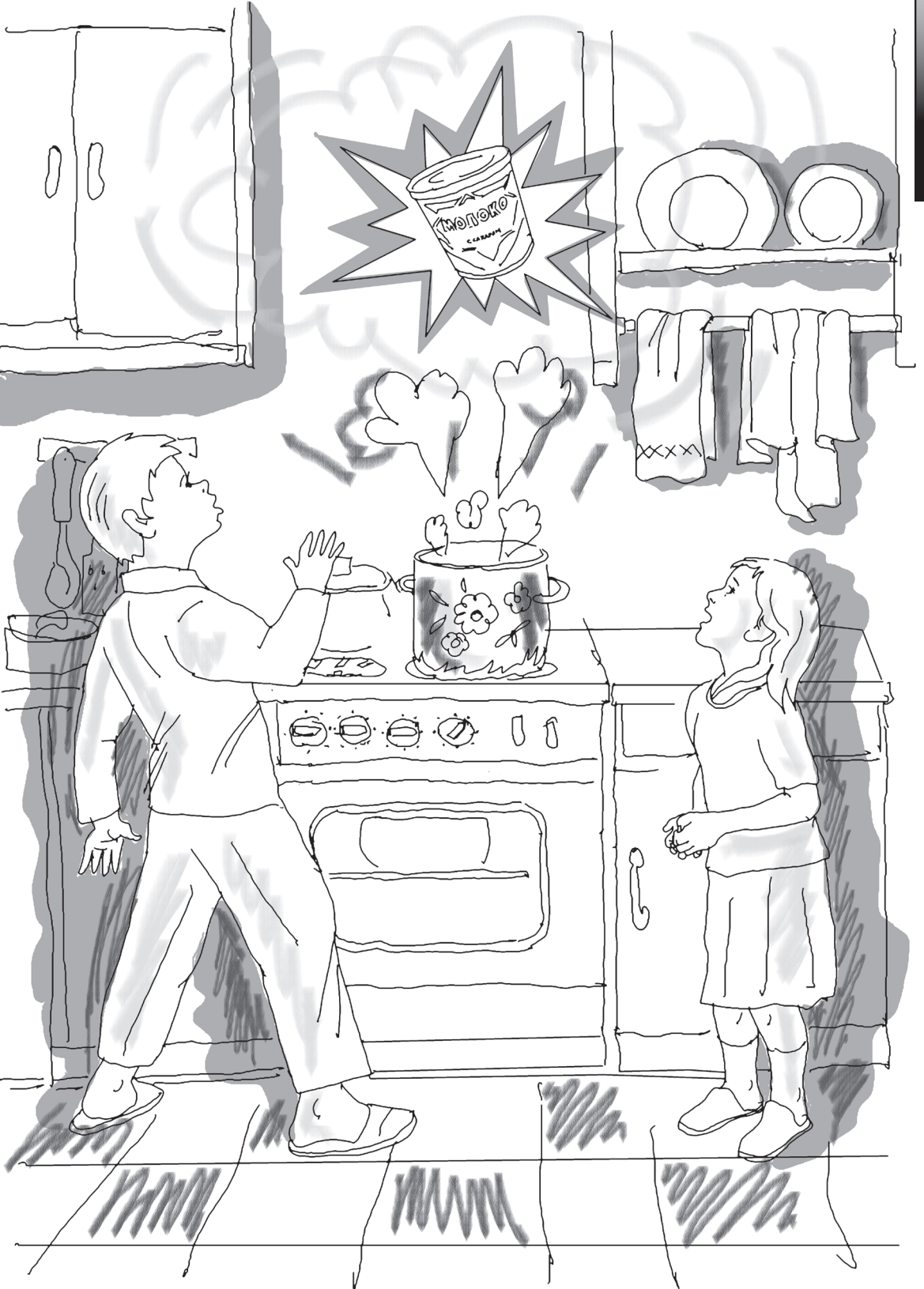
В этот момент в комнату опять пришел папа:

— Все, что Вася рассказывает, правда! Только это не ребенка в лагере забыли, а знаменитого диджея на концерте на свежем воздухе потеряли. Хорошо, дело летом было. Трое суток искали, а когда нашли, он сказал: «Мне тут больше нравится, буду жить на природе». А лет ему 37, просто он стричься давно перестал, да и не моется... В общем — теперь точно ложитесь спать, — папа забрал мой телефон с фонариком, а Оливка незаметно юркнула ко мне под одеяло.

— Ты что, испугалась?

— Не, нисколько, я ничего не боюсь. Зачем мне бояться, я же знаю, что ты меня в случае чего защитишь, — пробормотала Оливка и заснула.







СГУЩЕНКА: СЛУЧАЙ СЛАДКИЙ И ТРАГИЧЕСКИЙ

Каждый раз под Новый год у нас дома царит страшная суеда. Съезжается куча родственников, друзей, однокурсников папы и мамы, часто забегают соседи. Постоянно звонит дверной звонок или телефоны, гости что-то в суматохе теряют, перекладывают с места на место свои и чужие вещи, путают куртки и тапочки. На кухне в этот момент обязательно что-то варится, все смеются и строят планы на каникулы. Замечательное время, одним словом.

Как-то раз, когда все угощения уже были готовы, а елка стояла наряженная и красивая, родители поехали в магазин, а с нами совершенно некого было оставить.

— Вася, ты уже взрослый, мы вас с Оливкой оставим вдвоем, а сами ненадолго уедем, — сказала мама.

Я при таких словах даже как-то выпрямился. Когда тебя называют взрослым, тебе уже не до шалостей, чувствуешь себя таким солидным, представительным, как будто и рост немного прибавляется.



Наташа Шепелева

Еще немного в том же духе — и мне понадобится папина бритва.

— Вы тут одни не нашкодите?

— Ну что ты, мамуля, — ответили мы с сестрой хором.

— Ладно, ведите себя хорошо, а мы скоро вернемся.

Дверь захлопнулась, и мы остались вдвоем.

— Что делать будем? — спросила Оливка, а по лицу видно, что уже замышляет какое-то мелкое хулиганство. Она у нас та еще выдумщица, с этой девчонкой точно не соскучишься. Ну раз я остался за старшего, то надо как взрослый себя вести, или во всяком случае постараться ничего не сломать и не разбить.

— Мы с тобой будем помогать к празднику готовиться.

— Как это?

— Ну чего непонятного?! Смотри, сколько всего вкусного наготовили, так старались, в магазин ходили раз 15.

— Потому что каждый раз что-то важное забывали купить. А в последний раз зеленый горошек вообще на кассе случайно оставили. За ним папа возвращался.

— Вот видишь! А мы с тобой, что же, совсем ничего не делали?!

— Ну да, получается, что так. Только это как-то неправильно получается.

— А как мы будем помогать?

Маша

